

Проводив Чу Вана, Чэн Янь неспешно направился обратно в город.

Он и представить не мог, что Чэн Цзинь в самом деле решится на кражу древних свитков из книгохранилища. Ирония судьбы: как ни крути, а библиотека всё равно не миновала беды. Впрочем, его младшему брату явно не хватало опыта — почерк преступника был настолько топорным, что поимка с поличным выглядела делом вполне естественным.

Раз уж Сян Ань когда-то подбивал на подобную глупость самого Чэн Яня, неудивительно, что он вновь прибегнул к проверенному совету, на этот раз предложив его Чэн Цзиню.

Теперь Чэн Яня занимало лишь два вопроса: действительно ли его брата уже отчислили и где этот горе-грабитель прячется прямо сейчас?

Найти ответ на второй вопрос оказалось несложно. Вернувшись к торговым рядам, Чэн Янь решил обойти три самых известных игорных дома в округе. Уже во втором заведении он наткнулся на Сян Аня.

Тот как раз закончил партию и теперь сокрушенно вздыхал над своей неудачей, присматривая себе другой стол. Чэн Янь бесцеремонно схватил его за шиворот и оттащил в тихий угол.

— Господин Чэн! Сколько лет, сколько зим! А я-то думал, вы завязали с игрой.

Чэн Янь и впрямь завязал — у него самого никогда не было к этому тяги. Он сразу перешел к делу:

— Ты видел Чэн Цзиня в последние пару дней?

Стоило Сян Аню услышать это имя, как он тут же попытался зажать Чэн Яню рот ладонью.

— Тсс! Потихе вы! — Он опасливо огляделся по сторонам и, убедившись, что на них никто не смотрит, облегченно выдохнул. — Ваш братец задолжал этому заведению почти пятьсот лянов. Если громилы узнают, что мы с ним знаем, боюсь, долг запишут на наши счета!

Чэн Янь не на шутку удивился.

— Так много?

Сян Ань кивнул и понизил голос еще сильнее:

— И это не предел. Второй молодой господин умудрился задолжать едва ли не каждому игорному дому в уезде. Как только сумма становилась слишком большой, он просто шел в другое место. Обычно смена стола приносила ему удачу, но в последнее время он, кажется, попал в черную полосу. Если он продолжит в том же духе, владельцы заведений скоро объединятся и заявятся в ваше поместье за расчетом.

Чэн Янь невольно усмехнулся. Ему даже захотелось похвалить брата за тактическую гибкость. Теперь стало ясно, почему Чэн Цзинь, так долго спуская деньги, решился на кражу свитков — он просто дошел до края, но при этом умудрялся скрывать долги от отца.

Конечно, роль играло и происхождение: «от настоятеля убежишь, а от храма — нет». В своё время Чэн Янь поставил рекорд, проиграв за раз тысячу лянов, и только тогда кредиторы решились постучать в ворота дома Чэн.

— Знаешь, где он сейчас? — коротко спросил Чэн Янь.

— Скорее всего, в игорном доме «Цзюйцай», — тут же ответил Сян Ань. — Это последнее место в уезде, где за ним не числится огромных долгов.

«Цзюйцай»... Именно это заведение когда-то было излюбленным местом прежнего Чэн Яня.

— Понятно, — кивнул юноша и, вспомнив о краже, добавил: — Кстати, ты в курсе вчерашнего переполоха в академии?

Сян Ань поспешно замахал руками, выгораживая себя:

— Это была чисто его затея! Я тут ни при чем, клянусь!

Чэн Янь лишь хмыкнул, не желая копаться в подробностях, и отпустил приятеля. Путь его лежал в игорный дом «Цзюйцай».

Убедившись, что Чэн Цзинь действительно там, он незаметно покинул заведение. По дороге домой Чэн Янь уже прикидывал, как лучше проучить непутевого брата.

В поместье он застал Чэн Цайцзюня и наложницу Хуа за окончанием обеда. Слуги как раз уносили остатки блюд со стола.

Отец, уверенный, что сын пропадает в ресторации, удивленно вскинул брови:

— Почему ты дома в такой час? Что-то случилось?

Несмотря на то что Чэн Янь твердо решил однажды покинуть Битань, Цайцзюнь стремился выжать из него всё возможное, пока тот был рядом. Глава семейства вёл себя как заправский эксплуататор — сам он уже полмесяца не показывался в ресторации, заранее наслаждаясь покоем.

— Слишком жарко, — отозвался Чэн Янь, — решил вернуться и переждать зной.

С самого утра, провожая друга, он был в легкой одежде с короткими рукавами, но солнце палило так нещадно, что он всё равно взмок. Юноша распорядился:

— Принесите таз со льдом, нужно умыться. — Подумав, он добавил: — Впрочем, не нужно, я сам.

Он направился во внутренний двор. Цайцзюнь поспешно крикнул слуге:

— Живо за ним! Посмотри, не нужно ли молодому господину чего!

Прохладная вода быстро привела Чэн Яня в чувство. Вернувшись в зал, он застал отца и наложницу Хуа обмахивающимися веерами возле чаш со льдом.

— Ну и жарыща, — ворчал отец, — ни за что на улицу не выйду.

Услышав это, Чэн Янь невольно отметил про себя, что Чэн Цайцзюнь — истинный мастер навлекать на себя то, от чего так рьяно зарекается.

— Отец, тетушка, а где Чэн Цзинь? — как бы между прочим спросил он, усаживаясь в кресло.

Цайцзюнь недовольно глянул на него:

— Что за глупости ты спрашиваешь? Твой брат в академии!

— Отец, сегодня же малый зной, занятия закончились. Я как раз провожал Чу Вана в деревню и помог ему с вещами. Вы ведь слышали о Чу Ване? Первый ученик академии, лучший во всем списке!

Цайцзюнь замер и перевел взгляд на наложницу Хуа:

— Цзинь-эр распустили? Почему же его нет дома?

Хуа вздрогнула. Не успела она и слова вымолвить, как Чэн Янь ехидно вставил:

— Может, он решил отпраздновать свободу в каком-нибудь весеннем доме?

— Замолчи! — прикрикнул на него отец. — Твой брат не чета тебе! — Однако в его голосе уже послышалась тревога. Он снова повернулся к наложнице: — Цзинь-эр до сих пор не возвращался?

Наложница Хуа, возможно, и не знала о масштабах его страсти к игре, но догадывалась о его недавних проделках. Слова Чэн Яня лишь подлили масла в огонь. Она натянуто улыбнулась:

— Конечно, он дома! Просто... он занемог и сейчас отдыхает в своих покоях.

Мысленно она проклинала сына за то, что тот осмелел до такой степени, что не явился ночевать. Сейчас её единственной целью было успокоить Цайцзюня, чтобы потом потихоньку разыскать негодника.

— Почему же ты не сказала, что он болен? — нахмурился отец.

— Да так... замоталась, из головы вылетело! Да и ничего серьезного, обычная простуда, отлежится денек — и как новенький будет.

Цайцзюнь почти поверил ей.

— Устал от учебы, верно? Передай ему, пусть не берет всё так близко к сердцу.

Чэн Янь про себя отметил, что отцу легко рассуждать о чужом спокойствии. Его брат скатился на сороковое место, в то время как непутевый старший неожиданно стал вторым, — какой уж тут покой для Чэн Цзиня?

— Так брат болен? — с сочувствием в голосе произнес Чэн Янь. — Как удачно. Днем ко мне должен зайти лекарь, пусть и Цзинь-эру посмотрит пульс, выпишет пару снадобий.

Наложница Хуа, не ожидавшая такого поворота, в панике выпалила:

— Нет-нет! Не нужно!

Но Цайцзюнь решительно кивнул:

— Болезнь нельзя запускать. Пусть лекарь осмотрит его.

«Кого он там осматривать будет, если в комнате пусто?»

Наложница продолжала лепетать:

— Право же, не стоит беспокоиться... Ему просто нужен покой, врач только зря его встревожит...

— Тетушка, — подлил жару Чэн Янь, — многие хвори поначалу кажутся пустяком, а потом перерастают в тяжкие недуги. Или же у брата какая-то тайная болезнь, которую стыдно показать лекарю?

— Если есть тайна, тем более нужно лечить! — отрезал прямодушный отец.

У наложницы Хуа не осталось путей к отступлению. Она была вынуждена сознаться:

— На самом деле... Цзинь-эра... нет дома...

Она и сама не знала, где он может быть. Цайцзюнь осыпал её упреками за такое легкомыслие, выговаривая ей так резко, что наложница Хуа едва не разрыдалась.

Несмотря на зной, он распорядился немедленно отправить слуг: одного — в академию за новостями, остальных — на поиски в город. Чэн Цайцзюнь мало смыслил в последних делах Чэн Цзиня, и столь долгое отсутствие сына заставляло его всерьез опасаться за безопасность юноши. Из-за этого в поместье Чэн, где в полдень обычно царило сонное спокойствие, мгновенно поднялась суматоха.

И тут один из слуг, запинаясь, произнес:

— Господин... я вчера... кажется, видел второго молодого господина...

Цайцзюнь впился в него взглядом:

— Где ты его видел?! Говори живо!

— У... у входа в игорный дом «Цзюйцай»... — Слуга опасливо покосился на Чэн Яня, явно ожидая беды.

— Ты уверен, что видел именно второго, а не первого? — выпалил отец.

Чэн Янь лишь вздохнул — его репутация пострадала незаслуженно.

«Мой "подставной свидетель" совершенно не справляется», — подумал Чэн Янь, глядя на дрожащего слугу, и решил вмешаться:

— Может, он и ошибся. Но лучше проверить. Вдруг брат и впрямь там?

— С чего бы ему быть в таком месте? — засомневался Цайцзюнь. — Он не из таких.

— Наверняка пошел за компанию с соучениками. Каникулы ведь начались, решили развлечься, да и засиделись до утра, — предложил вполне логичное оправдание Чэн Янь.

Это немного успокоило отца. Он велел слугам:

— Проверьте игорные дома. Да, и в Цинлоу загляните на всякий случай.

Наложница Хуа совсем потеряла голову:

— Зачем тратить время на такие места? Цзинь-эр никогда бы туда не пошел!

Цайцзюнь на мгновение задумался и решительно встал:

— Ладно, я сам пойду. У меня в таких делах опыта побольше.

Чэн Янь, вспомнив свой недавний побег через окно Цинлоу, лишь промолчал. Он не собирался идти с отцом, но тот окликнул его:

— Ты пойдешь со мной. Ты эти места лучше знаешь, так мы быстрее его найдем.

Делать было нечего. Несмотря на жару, Чэн Яню пришлось согласиться. Отец, видя тревогу на лице Хуа, напоследок даже утешил её:

— Не волнуйся, я приведу его домой.

Чэн Янь же подумал, что наложница сейчас больше всего на свете мечтает о том, чтобы Цайцзюнь не нашел сына.

По дороге отец спросил:

— С какого заведения начнем?

Игорный дом, где засел Чэн Цзинь, был довольно далеко. Чтобы не вызывать подозрений, Чэн Янь сначала повел отца в ближайшее заведение. Цайцзюнь, не привыкший к долгой ходьбе, задыхался, а слуги то и дело вытирали ему пот.

— Вижу, ты здесь как дома! — проворчал он, завидев знакомый поворот. — Сколько же раз ты здесь бывал?

Чэн Янь лишь невинно улыбнулся — просто в его голове была точная карта уезда Битань. Когда отец уже собрался ворваться внутрь, юноша придержал его за плечо:

— Отец, не нужно шуметь.

Он подозвал одного из охранников у входа:

— Позови своего управляющего.

Тот почтительно кивнул и исчез за дверью. Вскоре появился управляющий с широкой улыбкой на лице.

— Мой брат у вас? — в лоб спросил Чэн Янь.

Тот покачал головой:

— Второго молодого господина нет.

— Я же говорил, что он не из таких! — облегченно вздохнул Цайцзюнь.

— Однако, — продолжил управляющий, — его долг в сто восемьдесят пять лянов до сих пор не погашен. Вы пришли рассчитаться?

Глаза отца округлились. Он не верил своим ушам. Прежде чем они добрались до игорного дома «Цзюйцай», им пришлось обойти еще два заведения и выложить более трехсот лянов — Цайцзюнь платил молча, но в душе его бушевала буря.

Когда же им подтвердили, что Чэн Цзинь в самом деле находится в «Цзюйцае», отец принял это почти равнодушно. Сжимая в руках пачку долговых расписок, он, хоть и не был силен в грамоте, сразу узнал почерк младшего сына. Один из управляющих вдобавок сообщил, что юноша пропадает за столами уже почти месяц и задолжал каждому заведению в округе.

Такая «широта души» превзошла даже бывшие подвиги Чэн Яня. Цайцзюнь едва не лишился чувств от ярости. Когда они наконец увидели Чэн Цзиня, отец казался пугающе спокойным, но внутри него всё кипело.

Чэн Янь тоже был поражен. Днем он видел брата лишь издалека, а теперь разглядел во всей красе. Лицо Чэн Цзиня пылало, словно от крепкого вина, одежда была в беспорядке, а

прическа и вовсе растрепалась. Он иступленно кричал, не то от хмеля, не то от безумного азарта, вперив взгляд в игральные кости:

— Крупное! Крупное! Крупное!

Цайцзюнь не дал ему узнать исход броска.

— Чэн Цзинь! — взревел он и, схватив сына за шиворот, одним рывком оттащил его от стола.

Тот в ярости огрызнулся:

— Твою мать! Кто это?!

Но, увидев перед собой отца и брата, он мгновенно протрезвел. Взгляд его, полный безумия, сменился животным страхом.

— Отец... папа... вы... как вы здесь...

Дома снова начался переполох. Масла в огонь подлил слуга, вернувшийся из академии с известием об исключении Чэн Цзиня. Цайцзюнь, хоть и получил за день несколько тяжелых ударов, пока держался на удивление стойко — он окончательно разочаровался в младшем сыне.

Раньше он не ждал ничего путного от Чэн Яня, и малейшее его исправление вызывало у отца восторг. Чэн Цзинь же был его гордостью, капиталом, которым он хвалился перед партнерами. Он и представить не мог, когда сын успел так пасть. Первое, что пришло ему в голову, — это провал на Ежемесячном экзамене (Юэши).

— Неужели ты так опустил руки из-за неудачи? — с горечью спросил он.

Чэн Цзинь лишь упрямо поджал губы. Цайцзюнь, никогда не поднимавший на него руку, не выдержал. Он схватил метелку из перьев и с силой хлопнул по столу:

— Говори! Как это случилось?! Как ты дошел до жизни такой?!

Чэн Цзинь вскинул голову, и в его глазах вспыхнула застарелая ненависть.

— А разве брат не играл? — процедил он сквозь зубы. — Разве брат не бросил учебу? Ты всегда смотрел только на него, а меня не замечал, сколько бы я ни старался. Ему прощали всё — стоило ему хоть немного исправиться, и он уже герой! А стоит мне совершить малейшую ошибку, как я становлюсь величайшим грешником!

Цайцзюнь опешил, не зная, что ответить на этот поток горечи и обиды. Чэн Цзинь, решив идти до конца, выкрикнул:

— Я вообще никогда не хотел учиться! И хорошо, что меня выгнали!

Отец замахнулся метелкой, его глаза покраснели от гнева:

— Ах ты, нечестивец!

Крики в поместье не стихали до глубокой ночи. Чэн Цзинь был по-своему упрям; годы учебы лишь исказили его восприятие мира. Он даже не считал кражу свитков чем-то зазорным — казалось, все уроки морали и добродетели прошли мимо него.

Эта суэта не помешала Чэн Яню поужинать. После бурного дня он с аппетитом поел и теперь гадал, как там Чу Ван — добрался ли до дома?

Поздно ночью к нему зашел Цайцзюнь.

— Янь-эр, как ты думаешь... что нам делать с твоим братом?

Отец и сам не заметил, как стал полагаться на Чэн Яня, обсуждая с ним важные решения.

— Ты хочешь, чтобы он вернулся в академии? — спросил юноша.

Цайцзюнь недовольно фыркнул:

— Как я после такого в глаза людям смотреть буду? Одно дело — лень, но воровство... Я чуть со стыда не сгорел. К тому же он, кажется, и впрямь ненавидит книги... Неужели в нашем роду так и не будет чиновника?

«Будет, как только твой старший сын женится», — усмехнулся про себя Чэн Янь, а вслух произнес:

— И какие у тебя планы?

— Что если... — осторожно начал Цайцзюнь, — он тоже начнет вникать в семейное дело?

Чэн Янь смерил его насмешливым взглядом:

— Отец, ты так сильно хочешь на покой?

Раз первенец не горит желанием наследовать империю, значит... пора ковать из второго!

Чэн Янь был не против. Однако сейчас всеми закупками и поставками занимался он сам, и дела у него шли куда лучше, чем у прежних управляющих. Вся ресторация слушалась его беспрекословно. Цайцзюнь понимал, что передавать это дело по второму кругу не стоит, поэтому решил найти младшему другое занятие.

Чэн Цзинь мог сколько угодно жаловаться на невнимание, но как отец Цайцзюнь был почти безупречен для своего времени. Несмотря на обиду, на следующий день он предложил младшему сыну заняться ресторацией.

Тот не выглядел обрадованным, но, видя успехи брата, в нем разыгралась гордость.

— Хорошо, я согласен.

— Славно, — объявил Цайцзюнь. — Янь-эр продолжит заниматься поставками и внешними делами, а ты, Цзинь-эр, возьмешь на себя внутреннее управление. Особенно — присмотр за кухней.

Глаза Чэн Цзиня расширились от изумления:

— Мне?! На кухню?!

Чэн Янь и сам был не в восторге от этой идеи. Чу Вана не было в городе, но по привычке юноша часто использовал кухню ресторации для своих кулинарных экспериментов. Присутствие там брата сулило одни неудобства.

Цайцзюнь нахмурился:

— Ты же сам хотел учиться делу!

— Но я не это имел в виду! Благородный муж держится подальше от поварни! Это же... это же позор!

Для Чэн Яня это было лишь кокетством, но отец не на шутку рассердился:

— Кухня — сердце нашей ресторации! И ты еще смеешь нос воротить?!

Если бы не поддержка старшего сына, Цайцзюнь ни за что не доверил бы негоднику такое важное место. Но в глазах Чэн Цзиня это выглядело иначе: брату достались почести и влияние, а ему — грязная работа среди котлов и копоти. Обида душила его, но деваться было некуда.

Видя его колебания, отец холодно добавил:

— Не хочешь — как хочешь. Но тогда к делам я тебя больше не подпущу.

Чэн Цзинь, в очередной раз убедившись в «предвзятости» отца, нехотя выдавил:

— Я... я согласен.

Цайцзюнь со вздохом посмотрел на старшего сына:

— Янь-эр, приглядывай за ним. Помогай, если что не так.

Чэн Янь великодушно согласился, и на его фоне младший брат выглядел еще более жалко.

Чэн Цзинь, уверенный в несправедливости мира, таил злобу. Едва они переступили порог ресторации, он буркнул брату:

— Не лезь ко мне, я сам во всем разберусь! — От былой маски почтительности не осталось и следа.

Чэн Яню было всё равно. Он лишь небрежно бросил:

— Удачи, братец.

Он подозревал, что Чэн Цзинь вряд ли справится с такой ответственностью и наверняка натворит дел. Но как бы тот ни был виноват, отец всегда будет стремиться устроить его судьбу. Чэн Янь понимал это и не собирался мешать. Он лишь попросил управляющего приглядывать за новеньким и сообщать о любых странностях.

Пока всё шло своим чередом, ресторация процветала. Но на третий день каникул, вместо новостей о выходках брата, Чэн Янь получил весть из дома.

К нему пришел Чу Ван.

***

<http://bllate.org/book/15870/1443902>